

Против моносемических подходов к севернохантыйской дискурсивной посессивности*

Степан Кириллович Михайлов, Национальный исследовательский университет
“Высшая школа экономики”, stepanmihajlov@gmail.com

Во многих уральских языках [Nikolaeva 2003, Кузнецова 2003, Simonenko 2017, Körtvély 2010, Fraurud 2001 и ссылки в этих работах] показатели посессивности могут употребляться за пределами типичных посессивных контекстов (1), например, в контекстах анафорической отсылки (2), выбора из множества (3) или контекстной ассоциации между условным посессором и референтом именной группы (ИГ; (4))^{2,3}.

(1) СЕВЕРНОХАНТЫЙСКИЙ ЯЗЫК (казымский диалект)

(nǎŋ/nin)	kǎt'-en/-эн	moś-λ
ты/вы	кот-POSS.2SG/-POSS.2NSG	мурчать-NPST[3SG]

‘Твой/ваш кот мурчит’.

(2) **(#nǎŋ) amp-en/#-Ø** ma reλ-am-a χurət-ti pit-əs
ты пёс-POSS.2SG я на-POSS.1SG-DAT лаять-NFIN.NPST статья-PST[3SG]
‘{Я шёл по улице и увидел собаку.} (букв. Твоя) собака на меня залаяла’.

(3) **(#λuw) i an-эл mij-e**
он один чашка-POSS.3SG дать-IMP.SG.SG
‘{— Чем тебе помочь? — Вон на столе две чашки стоит.} Дай одну чашку’.

(4) aλ, **(#λuw) ruri ruχ-эл** reλ-a χurt-əs
наверное он медведь мальчик-POSS.3SG на-DAT лаять-PST[3SG]
{Говорящая гуляла с собакой возле леса. В целом дружелюбный и тихий пёс вдруг кинулся к лесу и начал лаять.} ‘{Должно быть, тут ходил медведь.} [Пёс], наверное, на медведя лаял’. (естественный пример)

В работах наших предшественников, посвящённых другим идиомам, можно выделить по крайней мере два типа подходов к семантическому анализу таких “дискурсивных” употреблений посессивов:

i. **Ассоциативный подход** ([Nikolaeva 1999, 2003], [Körtvély 2010]): во всех употреблениях посессивы обладают своей обычной семантикой и обозначают отношение, связывающее посессора и референта ИГ; в случае дискурсивных употреблений это отношение отступает от прототипа обладания [Taylor 1996] и является сильно контекстно зависимым. Например, в (2) собака твоя, поскольку я “с тобой о ней говорю”, а в (4) медведь “его [пса]”, поскольку пёс на него лает.

ii. **Реляционно-полисемический подход** [Simonenko 2017]: посессивы обозначают некоторое отношение R, но возможные значения R (помимо собственно посессивного) варьируются от языка к языку. Посессивам с употреблениями типа (2) доступно отношение ‘идентичности’⁴, а с (3) — отношение ‘элемент множества’.

Эти подходы предполагают моносемический взгляд на множество употреблений посессивов. Ожидается, что в дискурсивных употреблениях посессивы будут обладать теми же семантическими и морфосинтаксическими свойствами, что и в собственно посессивных. В частности, что дискурсивные посессивы будут (a) согласоваться по лицу-числу с посессором, (b) допускать эксплицитного посессора внутри ИГ, (c)

* Исследование поддержано грантом РФФИ 19-012-00627.

² Мы приводим примеры из собственных экспедиционных материалов по казымскому севернохантыйскому (< обско-угорские < финно-угорские < уральские), однако, подобные употребления регулярно воспроизводятся и в других уральских языках, см. ссылки выше.

³ Знак решётки (#) обозначает семантическую неприемлемость. (#X) значит ‘пример неприемлем при добавлении X’, #(X) наоборот.

⁴ В выборке [Simonenko 2017] рассматриваются только дискурсивные POSS.3SG. Очевидно, анафорические употребления POSS.2SG (2) проблематичны для этого подхода из-за несовпадения признаков лица-числа с антецедентом.

обладать теми же пресуппозициями, что и собственно посессивы, и (d) вступать в прагматическую конкуренцию с другими посессивами (например, в случае POSS.2SG при возможности POSS.1PL; свойства (a-b) для собственно посессива см. в (1)).

Рассмотрим подробнее первые три свойства.

Для дискурсивных употреблений POSS.2SG ожидается, что при множественном адресате будет использоваться второй посессив **множественного числа** *-ən* [POSS.2NSG] (в (2) ‘ваша собака, т. к. я говорю о ней вам’). Однако даже с множественным адресатом в (2) будет употребляться *-en* [POSS.2SG].

В контекстах выбора из множества (3) следует ожидать третий посессив **множественного числа**, т. к. посессив отсылает к данному в предшествующем контексте **множеству**, в которое входит референт данной ИГ: ‘две чашки_i ... их_i одна чашка (одна чашка из них_i)’. Однако наши консультанты в таких контекстах допускают только POSS.3SG. С другой стороны, можно предположить, что POSS.3SG здесь отсылает к множеству как к единому объекту, но тогда бы ожидалось, что и личное местоимение 3 л. ед. ч. *λ#w* должно быть способно отсылать к множествам (типа ‘чашки_i ... он(а)_i’). Последнее, однако, ожидаемо не допускается носителями.

Только для употреблений типа (4) это предсказание сбывается, и в случае других лица-числа посессора используется другой показатель (5).

(5) оләη-эл-эп   χηλ-эη   **ńáń-#(ew)**   λε-λ-ew
начало-POSS.3SG-LOC   рыба-PROP хлеб-POSS.1PL   есть-NPST-1PL.SG
{На столе рыбный пирог и другие блюда.} ‘Сначала съедим рыбный пирог’.

Подходы (i) и (ii) также предсказывают, что в подобных употреблениях должно быть возможно **эксплицитное выражение посессора в именной группе**. Однако эксплицитный посессор во всех рассматриваемых примерах меняет интерпретацию, вызывая собственно посессивные прочтения. С эксплицитным посессором в (2) собака **принадлежит** адресату, в (3) чашка **принадлежит** какому-то третьему лицу, в (4) медведь **принадлежит** собаке (например, как друг), а в (5) пирог с необходимостью **был приготовлен** группой с говорящим.

Наконец, показатели в (2), (4) и (5) обязательны в подобных контекстах с уникальными референтами и тем самым несут пресуппозиции уникальности референта ИГ. **Собственно посессив же не требует уникальности** (см. (6), где две формально идентичные ИГ с посессивом отсылают к разным индивидам в рамках одного высказывания, ср. [Corrock, Beaver 2015]).

(6) **ńáń welik-en**   tām   λολ´,
ты   велосипед-POSS.2SG   этот   стоять[NPST.3SG]
tuta-šk   pa   **ńáń welik-en**   λολ´
там-ATT   ADD   ты   велосипед-POSS.2SG   стоять[NPST.3SG]
{Ребёнок спрашивает: “где мои велосипеды?”. Ответ:} ‘Твой велосипед стоит здесь, там стоит ещё [один] твой велосипед’.

Таким образом предсказания моносемических подходов (i) и (ii) не подтверждаются казымскими севернохантыйскими данными. Единственно верной интерпретацией этих данных представляется **радикально полисемический подход**, согласно которому дискурсивные употребления посессивов с необходимостью представляют отличные от собственно посессивов показатели.

Отметим также, что свойство (a) уже сейчас является достаточным основанием для отвержения моносемических подходов в отношении примеров типа (2) и (3) и в других уральских языках. При получении соответствующих данных мы ожидаем, что свойство (b) составит ещё один контраргумент.

В докладе будут подробнее представлены эти и другие аргументы против моносемических подходов к дискурсивной посессивности, что позволит составить первичное — радикально полисемическое — описание севернохантыйских посессивов.

Условные обозначения: 1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ADD — аддитивная частица; ATT — аттенуатив; DAT — датив; IMP — императив; LOC — локатив; NPST — непрошедшее время; NSG — неединственное число; OPT — оптатив; PL — множественное число; POSS — посессив; PROP — проприетив; SG — единственное число.

Библиография: Кузнецова, А. И. (2003). Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях: дейктические функции посессива в уральских языках. *Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии. Сборник статей.* Ижевск, 249-259; **Сорок,** Е., & **Beaver,** D. (2015). Definiteness and determinacy. *Linguistics and philosophy*, 38(5), 377-435; **Fraurud,** K. (2001). Possessives with extensive use. *Dimensions of possession*, 47; **Körtvély,** E. (2010). On the function of possessive suffixes in Tundra Nenets: Possession and semantic-pragmatic definiteness. *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*, 32(33), 321-343; **Nikolaeva,** I. (1999). Ostyak. Lincom Europa; **Nikolaeva,** I. (2003). Possessive affixes in the pragmatic structuring of the utterance: Evidence from Uralic. *International Symposium on Deictic Systems and Quantification in Languages Spoken in Europe and North and Central Asia: Collection of papers*, 130-145; **Simonenko,** A. (2017). Towards a semantic typology of specific determiners. *21st Amsterdam Colloquium*, 425-434. **Taylor,** J. R. (1996). *Possessives in English: An exploration in cognitive grammar.* Oxford university press.